

новый способ подготовки преступления – обособленный интернет-средой (использование чат-ботов для подбора, вербовки жертвы);

повышенные виктимологические особенности, обособленные исключительно виртуальной реальностью (интернет-аддикция);

виртуальная среда – временный заменитель и раздражитель реального контакта с жертвой;

зарождение нового типа преступника-педофила – виртуальный;

использование специальных возможностей программного обеспечения в предупреждении данного вида преступности – CPS.

Впервые в отечественной науке мы можем сформулировать определение метакриминологии – это социально-правовая наука, имеющая теоретический и прикладной характер, изучающая процессы взаимодействия виртуального и реального мира, в ходе которого образован новый пласт знаний о преступности, личности преступника, причинах и условиях преступности, предупреждении преступности в рамках существования метавселенной как неотъемлемой части современной жизнедеятельности общества, обусловленной развитием виртуальной реальности и последствиями ее укоренения в уклад индивидов, без которого они не могут существовать, в том числе в рамках допреступной, преступной и постпреступной деятельности, обуславливающей их мотивацию (криминальную мотивацию в рамках индивидуального преступного поведения).

УДК 343.8

Е.Г. Терешенко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Обязательным элементом системы определения эффективности в любой деятельности является цель. Без наличия цели невозможно определить, насколько эффективна та или иная деятельность. В итоге возникает вопрос: что именно является целью исполнения наказания? Логичным было бы предположить, что данные цели закреплены в УИК Республики Беларусь. Однако, как показал анализ нормативных правовых актов, в законодательстве есть серьезный пробел: ни в УИК Республики Беларусь, ни в иных нормативных правовых актах не указано, какие цели перед собой имеет исполнение наказания.

В ст. 7 УИК Республики Беларусь, основного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности, закреплена цель в виде исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Однако вышеуказанные элементы закреплены в УИК Республики Беларусь в качестве цели применения, но не цели исполнения наказания.

В данном случае важно понимать разницу, что исполнение – это форма реализации права, подразумевающая совершение субъектом (администрацией исправительного учреждения) активных действий, в то время как под применением понимается активная властная деятельность государства в лице его компетентных органов по разрешению конкретного юридического дела. Таким образом, когда говорится о применении наказания, фактически имеется в виду назначение наказания судом. Исходя из этого, можно сделать вывод, что положения ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь не устанавливают целей исполнения наказания, а в лучшем случае пересекаются с положениями ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь. Следует отметить, что положения ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь имеют более широкий смысл, так как обозначают цели уголовной ответственности, в том числе наказания в целом, таким образом устанавливая для них цели во всех их аспектах: применения (назначения), исполнения, закрепления результатов в постпенитенциарный период.

Следовательно, можно заключить, что ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь является нормой права, регулирующей более широкий спектр общественных отношений, составной частью которого являются общественные отношения, урегулированные ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь. Однако ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь не отражает тех целей, которые должны быть закреплены в УИК Республики Беларусь. Это обусловлено тем, что УИК Республики Беларусь является основным нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения не в области применения наказания и иных мер уголовной ответственности, а в области их исполнения. Устранив этот пробел посредством установления в УИК Республики Беларусь целей исполнения наказания, будет возможно рассуждать о его эффективности.

На основании вышеизложенного, в связи с тем, что УИК Республики Беларусь является нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения, связанные с наказанием в аспекте его исполнения, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь, заменив слово «применение» словом «исполнение».

Другой аспект, на который, на наш взгляд, следует обратить внимание, заключается в определении исправления осужденных, приведенном в ч. 2 ст. 7 УИК Республики Беларусь. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 7 УИК Республики Беларусь исправление осужденных – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни. В результате буквального толкования данной нормы возникает вопрос: что подразумевается под формированием – процесс или конечная цель? Это обусловлено тем, что слово «формирование» имеет два значения: процесс и результат. На аналогичной проблеме в УИК Российской Федерации делал акцент Ю.М. Ткачевский, который отмечал, что по сути в законе определяется даже не понятие исправления, а процесс его осуществления: «формирование», «стимулирование», а не достижение какого-то определенного результата. Внесение ясности в данном случае играет большую роль, так как в качестве цели не может выступать процесс, цели должен соответствовать какой-либо результат. В связи с этим полагаем, что целесообразно было бы заменить в ч. 2

ст. 7 УИК Республики Беларусь слова «формирование у них готовности» на «сформированная у них готовность», таким образом устранив неясность в толковании данной нормы и изложив ее в следующем виде: «Исправление осужденных – это сформированная у них готовность вести правопослушный образ жизни».

На основании изложенного стоит резюмировать, что внесение вышеуказанных изменений в УИК Республики Беларусь позволит устранить определенные пробелы в установлении границ измерения эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а также конкретизирует исправление как цель, закрепленную в ст. 7 УИК Республики Беларусь, определяя ее не как процесс, а как конечный желаемый результат, который стоит использовать в качестве целевого показателя эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

УДК 343.4

Т.Г. Терещенко

ПОНЯТИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ОСНОВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Преступность представляет собой самостоятельное, целостное, наиболее общественно опасное явление, включающее в себя систему взаимосвязанных элементов, обладающих относительной самостоятельностью. При этом преступность способна реагировать на изменение среды, в которой она функционирует и даже приспосабливать ее для своего выживания, сохранения и развития, независимо от сфер ее существования и трансформации (в обществе как социальной системе или информационной виртуальной среде).

Используя наработки классической школы позитивизма, можно сформулировать понятие преступности как относительно массовое, исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой целостную совокупность (систему) всех преступлений, совершенных на определенной территории за соответствующий период времени (академик В.Н. Кудрявцев, профессор В.Е. Эминов).

С учетом развития информационных технологий и появления новой подотрасли криминальной трансформации – киберсреды, возникла необходимость криминологического осмысления понятия «киберпреступность».

В этой связи целесообразно обратиться к международным экспертам и научному сообществу, исследовавшему проблему преступности в информационной среде (интернет-среде) и (или) совершаемых при помощи интернет-технологий. Стоит отметить, что единого понятия киберпреступности не существует. Однако эксперты делают акцент на следующих аспектах: роли информационно-коммуникационных технологий в совершении правонарушений (преступлений);

механизме индивидуального преступного поведения (ИКТ используются как средства или как цель преступного посягательства: Goodman and Brenner, 2002; Wall, 2007; Wilson, 2008; Maras, 2014; Maras, 2016).

В то же время эксперты ООН в рекомендациях к докладу 10 Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 2000 г.), рассматривают киберпреступность как уголовно-правовое деяние, которое совершается с помощью компьютерной системы или сети, или направлено против компьютерной системы или сети. Иными словами, эксперты справедливо разделяют киберпреступления на киберзависимые преступления (т. е. «любое преступление, которое может быть совершено только с использованием компьютеров, компьютерных сетей или других форм информационно-коммуникационных технологий»; McGuire and Dowling, 2013; Europol, 2018) и преступления, совершаемые посредством кибертехнологий (т. е. традиционные преступления, совершаемые с помощью сети Интернет и цифровых технологий, например мошенничества, кражи и т. п.).

Обобщая взгляды научного сообщества по исследуемой проблеме (Т.М. Хусяинов, М.Е. Батухтин, С.И. Буз, А.Б. Николаева и др.), можно сделать вывод, что под киберпреступностью следует понимать «совокупность уголовно-правовых деяний, совершенных в киберпространстве с помощью или посредством информационно-коммуникационных технологий, на определенной территории за определенный период времени». Указанное понятие позволит охватить разносторонние способы совершения преступлений в цифровой среде, что является ключевым элементом механизма индивидуального преступного поведения с позиции криминологической науки.

При этом для любой формы преступного посягательства характерно наличие количественных и качественных признаков (свойств), что тем самым может служить индикаторами состояния национальной безопасности. В частности, к количественным показателям относят состояние, уровень, динамику, уровень латентности исследуемых видов деяний. Указанные показатели могут рассчитываться в абсолютных и относительных величинах. Стоит отметить, что в том случае, если темп прироста по сравнению с аналогичным периодом прошлого года не превышает 5 %, то состояние национальной безопасности стабильно (с учетом наработок криминологической науки). К качественным показателям (индикаторам) можно отнести структуру преступности (например, мошенничества и несанкционированный доступ к информации, повлекший гибель людей, аварии и т. п.), степень тяжести совершаемых посягательств, географию преступности, наличие последствий за пределами составов деяний.

Таким образом, обобщая изложенное, мы можем заключить, что понятие «киберпреступности» нуждается не только в научном осмыслении, но и законодательном урегулировании. Кроме того, для указанного вида преступности свойственны количественно-качественные признаки (свойства), которые выступают основными криминологическими понятиями, используемыми при криминологической характеристике соответствующего вида преступности.